

СИНОЙКИЗМ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В АРГОСЕ

Мир греческих полисов разнообразен, и в нем особое место занимает Аргос, один из крупнейших греческих полисов, игравших самостоятельную роль в политической жизни античной Греции. Аргос проделал своеобразный путь исторического развития, отличающийся от пути Афин и Спарты.

Поэтому вполне закономерным выглядит обращение к аргосскому материалу, особенно в вопросе о трансформации традиционного «дорийского» аристократического общества (в ряде черт сходного со спартанским) в демократическое (имеющее сходные черты с афинским и находившееся под непосредственным афинским влиянием). Решающую роль в процессе такой трансформации сыграл синойкизм – переселение сельских жителей в городской центр. Синойкизм являлся одним из наиболее распространенных явлений в период формирования полисного строя в Греции и довольно часто был связан с проведением социально-политических реформ в том или ином полисе¹.

Проблема возникновения аргосской демократии не получила должного освещения в современной историографии. Т. Келли, автор одного из наиболее значимых исследований по истории Аргоса, доводит свое изложение только до конца архаического периода и, таким образом, не касается проблем генезиса демократического строя в Аргосе². Не обращается к этой теме в своем труде и другой исследователь аргосской истории – Р. Томлинсон, который уделяет внимание только вопросам внешней политики аргосского полиса и его взаимоотношениям с остальными греческими государствами в V–IV веках до н.э.³ М. Веррле в своей работе, исследуя аргосские институты власти, фактически также не касается вопроса возникновения демократии⁴. Некоторые отдельные вопросы аргосского синойкизма в связи с возникновением демократического строя рассматривали в своих статьях Х. Крицас и М. Пьерар⁵.

¹ О роли синойкизма в греческой истории в целом см. *Kahrstedt U. Synoikismos* // RE. 1932. Bd 8. 2. Reihe. Sp. 1435–1445; *Moggi M. I sinecismi interstatali greci. I. Dalle origini al 338 a.C.* Pisa, 1976. 396 p.

² *Kelly T. A History of Argos to 500 B.C.* Minneapolis, 1976.

³ *Tomlinson R.A. Argos and the Argolid. From the end of the bronze age to the Roman occupation.* L., 1972.

⁴ *Wörle M. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte von Argos im 5 Jahrhundert vor Christus.* Diss. Erlangen, 1964.

⁵ *Kritzas Ch. Aspects de la vie politique et économique d'Argos au Ve siècle avant J.C.* // *Polydipsion Argos. Argos de la fin des palais mycéniens à la constitution de l'État classique* / Ed. par M. Piérart. P., 1992. P. 231–240; *Piérart M. L'attitude d'Argos à l'égard des autres cités d'Argolide* // *The Polis as an urban centre and as a political community* / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 1997. P. 321–351; *idem. Argos: un autre démocratie* // *Polis and Politics: Studies in Greek History* / Ed. by P. Flensted-Jensen, T.H. Nielsen, L. Rubinstein. Copenhagen, 2000. P. 297–314.

Непосредственным фактором, способствовавшим началу важных социально-политических изменений в Аргосе, стало поражение аргосцев в битве со спартанцами при Сепее⁶. Последствия этого поражения были столь катастрофичными для Аргоса, что это нашло соответствующее отражение в сообщениях Геродота, Аристотеля и аргосского историка Сократа⁷.

Особенно отличен от всех других версий рассказ Геродота, отметившего даже установление власти «рабов» как следствие понесенных потерь в сражении: «Аргос же настолько лишился мужей (*Ἄργος δὲ ἀνδρῶν ἐχρήσθη*), что их рабы приобрели всю полноту власти (*οἱ δοῦλοι ἔσχον πάντα τὰ πρήγματα*), управляя (*ἄρχοντες*) и распоряжаясь ею (*διέποντες*) до тех пор, пока сыновья погибших не возмужали. После этого они, возвратив себе Аргос, изгнали рабов. Вытесненные же рабы силой овладели Тиринфом. Некоторое время у них были друг с другом дружественные отношения (*ἄρμια*). Затем же к рабам пришел прорицатель Кленандр, фиғалиец, человек родом из Аркадии. Он-то и убедил рабов напасть на господ. С тех пор была между ними долгая война, пока, наконец, аргосцы с трудом не одолели врага» (Herod. VI. 83).

Как видно из приведенного отрывка Геродота, битва при Сепее явилась своего рода рубежом в истории Аргоса, ибо привела к изменению соотношения социальных групп населения в полисе. Если Геродот, описывая случившиеся изменения, определенно имел в виду приход к власти вследствие гибели правящего слоя дорийцев тех, которые именуются «рабами», то теоретическое обоснование этому дал Аристотель, упоминая случай Аргоса в ряду других примеров «государственных переворотов» (*μεταβολαὶ τῆς πολιτείας*), происходивших по причине «несоразмерного возвышения» населения.

Аристотель приводит очень характерное и распространенное в философских трактатах своего времени сравнение государства с телом (*τὸ σῶμα*): «Известно, что тело состоит из частей и должно увеличиваться в своем росте соразмерно, чтобы сохранялась пропорциональность. В противном случае оно гибнет...» (Arist. Pol. V. 2. 7 p.1302 b 35 sq.)⁸. Точно так же, по мнению Аристотеля, и государство состоит из отдельных частей, из которых некоторые вырастают, зачастую незаметно, как, например, масса неимущих (*τῶν ἀπόρων πλῆθος*) в демократиях и политиях. «Происходит это иногда и в силу случайных обстоятельств», — подчеркивает Аристотель. В подтверждение своих рассуждений он приводит три однотипных примера, показывающих, как массовая гибель в сражениях представителей высшего

⁶ В современной научной литературе обычно можно встретить две альтернативные даты (520 г. до н.э. или 494 г. до н.э.). Об историографии вопроса см. *Строгецкий В.М.* О дате битвы при Сепее // ВДИ. 1979. № 4. С. 108–117; *Печатнова Л.Г.* История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 136; *она же.* Противостояние Клеомена и Демарата (К вопросу о соотношении властных структур в Спарте) // ВДИ. 2006. № 4. С. 34–35. Прим. 21; *Суриков И.Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 242, 245–247.

⁷ Геродот (VII. 148) отмечает, со слов самих аргосцев, что погибших было 6000 человек. Павсаний называет число 5000, но по контексту можно судить, что погибших было гораздо больше, поскольку данные Павсания учитывают только сожженных Клеоменом в священной роще Аргоса, но исключают тех, которые пали в битве (*Paus.* III. 4. 1). Собственно же более поздняя, не известная Геродоту, аргосская версия событий называет сакральное «число Аполлона» 7777 (*Plut. Mul. virt.* 4; *Polyaen.* VII. 33).

⁸ Интерпретация этого места Аристотеля см. *Newman W.L.* The politics of Aristotle. Oxf., 1902. Vol. 4. P. 301–302 (ad 1302 b 34).

слоя могут привести к изменению соотношения сил в государстве, т.е. к тому, что Аристотелем называется *μεταβολαὶ τῆς πολιτείας*. В первом примере отмечается, что в Таренте в результате гибели многих знатных (*γνώριμοι*) в сражении немного спустя после Греко-персидских войн из политии возникла демократия. Вторым примером приводится Аргос после битвы при Сепее: «В Аргосе после поражения, нанесенного Клеоменом Лаконским в битве “седьмого дня”, были вынуждены принять некоторых периеков» (*ἠναγκάσθησαν παραδέξασθαι τῶν περιόικων τινάς*) (Arist. Pol. V. 2. 7 p. 1303 a 6–8). Очевидно, что причиной этого изменения Аристотель также считает потери аргосцев в битве, и в этом наглядно прослеживается соответствие его сообщения рассказу Геродота. Однако на этом сходство сообщений Геродота и Аристотеля заканчивается.

Геродот говорит о захвате власти в Аргосе рабами (*οἱ δοῦλοι*), тогда как Аристотель подразумевает только допуск некоторых из периеков (*τῶν περιόικων τινάς*) в состав гражданского слоя, что, впрочем, отнюдь не равнозначно вышевысказанному им же самим утверждению о преобладании в государстве «массы неимущих» вследствие их непропорционального увеличения.

Но похожую информацию можно найти в повествовании Плутарха о доблести женщин во главе с Телесиллой, где итогом сражения, принесшего гибель аргосцам и вынудившего женщин взяться за оружие, названо наступление «малолюдства» (*ὀλιγανδρία*): «Возмещая малочисленность мужчин, не за рабов, как повествует Геродот, а за лучших периеков, сделанных гражданами, женщины были выданы замуж (*ἀλλὰ τῶν περιόικων ποιησάμενοι πολίτας τοὺς ἀρίστους συνῴκισαν τὰς γυναῖκας*)». Однако и такое супружество аргивянки считали ниже своего достоинства и постановили за правило, чтобы вышедшие за бывших периеков женщины подвязывали себе искусственную бороду, восходя на брачное ложе (Plut. Mul. Virt. 4 = Mor. 245f). В отличие от неопределенной фразы Аристотеля: «были вынуждены принять некоторых периеков», где не объясняется, какие права в Аргосе были им предоставлены, Плутарх, ссылаясь на аргосского историка Сократа (FgrHist. 310. F. 6), повествует более подробно: этим периекам было позволено вступать в брак с овдовевшими аргивянками, посредством чего они получали гражданские права. Особенно подчеркнуто социальное положение периеков. «Некоторые периеки» Аристотеля названы более точно Плутархом «лучшими». Таким образом, очевидно соответствие сообщений Аристотеля и Сократа, что говорит об их общем источнике, по-видимому, аргосского происхождения⁹.

Исследователи, приступая к анализу социальных последствий битвы при Сепее, прежде всего предпочитают определиться терминологически, подразумевая, что в принципе Геродот, Аристотель, Сократ с разной степенью полноты и достоверности повествуют об одном и том же событии, а противоречия между ними должны быть поэтому объяснены. Попытку устранить противоречие по вопросу о терминах «рабы» и «периеки» предпринимали уже комментаторы Геродота У. Хау и Дж. Уэллс, полагая, что под «рабами» могли пониматься представители несвободного населения Аргоса (известного как «гимнеты»: Pollux. III. 83), подобного спартанским илотам, а под периеками – зависимые того же типа, что и лакедемонские периеки, которым были предоставлены в Аргосе гражданские права и *connubium*¹⁰.

⁹ Иное мнение см. O'Neil J.L. The Exile of Themistocles and Democracy in the Peloponnese // CQ. 1981. Vol. 31. № 2. P. 343. Обычно также считают, что версия Сократа могла быть переработкой сведений Геродота с большим акцентом на аргосскую историю, или же Плутарх мог дать собственную интерпретацию Аристотеля.

¹⁰ How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 1. Oxf., 1912. P. 96.

Однако уже впоследствии исследователи не придерживались взгляда на «рабов» и «периеков» как на отдельные социальные группы Аргоса, возобладавшие над дорийцами после их сокрушительного поражения. Т. Леншау, Е. Кирстен, а затем и Р. Уиллетс полагали, что «рабов» Геродота следует рассматривать как зависимых крестьян Арголиды (гимнетов), а не как рабов классического типа, периеков же – в том смысле, как на Крите, где они представляли собой аналог спартанских илотов¹¹. В таком случае, как считал Р. Уиллетс, термин «рабы» и «периеки» должны быть идентичны¹². В качестве доказательства своего тезиса об идентичном применении двух терминов, использовавшихся для обозначения одной социальной группы неполноправного населения, Р. Уиллетс обратился к «Политике» Аристотеля, где нашел примеры использования термина *περίοικοι* для обозначения рабов, а не только собственно периеков¹³. Развивая свою аргументацию, он ссылаясь на глоссу Гесихия о критских афамитах, статус которых приравнен к «ойкетам», «агройкам» и «периекам» (Hesych. s.v. ἀφαιμίται). В данном случае для исследователя, специалиста по критскому обществу, естественно было найти соответствующие параллели между аргосскими и критскими социальными институтами¹⁴. Однако подход Р. Уиллетса к проблеме терминов вызвал возражения другого исследователя, Ф. Кихле, который указал на неправомерность выводов, целиком основывавшихся на аналогиях. И показал, привлекая данные Аристотеля, несколько иных значений слова «периеки»¹⁵.

Не соглашаясь с выводами Р. Уиллетса, Ф. Кихле пытался выяснить собственно аргосское значение термина «периеки», не считая их рабами, а только жителями зависимых от Аргоса территорий¹⁶. В этом мы видим сходство вывода Кихле с суждением комментатора Геродота Р. Мейкана, воспринимавшего сообщение Геродота о «междучарствии рабов» (термин впервые введен, по-видимому, Р. Мейканом, а затем его применяли П. Сеймур и Р. Уиллетс) как преувеличение, вызванное неверным представлением об отношениях между дорийским Аргосом и периеками (в их числе орнеаты – Herod. VIII. 73)¹⁷.

Итак, в историографии сложились две тенденции, находящие себе приверженцев. Одни исследователи (П. Сеймур, Т. Леншау, Е. Кирстен, Р. Уиллетс) склонны считать идентичными употребляемые в источниках термины «рабы» и «периеки», но с особым акцентом на их рабский статус. Другие ученые (Р. Мейкан, Ф. Кихле), также отмечая их идентичность, считают их жителями периекских поселений в Арголиде, политически зависимых от Аргоса¹⁸. В отечественной историографии

¹¹ Lenschau Th. König Kleomenes I. von Sparta // Klio. 1938. 31. S. 417 f.; Kirsten E. Das dorische Kreta. Würzburg, 1942. Bd 1. S. 93; Willetts R.F. The Servile Interregnum at Argos // Hermes. 1959. 87. P. 495–506.

¹² Willetts. The Servile Interregnum... P. 496 f.

¹³ Ibid. P. 496.

¹⁴ Willetts R.F. Aristocratic society in ancient Crete. L., 1955; *idem*. The Servile System of ancient Creta: A Re-appraisal of the Evidence // Studies Presented to G. Thomson. Prague, 1963.

¹⁵ Kiechle F. Argos und Tiryns nach der Schlach bei Sepeia // Philologus. 1960. 102. S. 183 f.

¹⁶ Ibid. S. 186.

¹⁷ Macan R.W. Herodotus. The Fourth, Fifth, and Sixth Books with Introduction, Notes, Appendices, Indices, Maps. L., 1895. Vol. 2. P. 340. Определение «периеки» встречается у Геродота по отношению к жителям Кинурии (VIII. 73: ἐόντες Ὀρνῆται καὶ [οἱ] περίοικοι), но оно просто описательно и не является *terminus technicus*.

¹⁸ Компромиссную позицию занимают Н. Хэммонд и Р. Томлинсон. По мнению Хэммонда, периеки и зависимые крестьяне (serfs) были наделены гражданскими правами, что-

к мнению Р. Уиллетса была близка К.М. Колобова¹⁹ (которая на него ссылается), отметившая, что «общность – “рабы”, “ойкеты”, “периеки” выступает в различной терминологии у трех древних авторов, рассказывавших об одном и том же событии: у Геродота – δοῦλοι, у Аристотеля – περίοικοι, у Павсания – οἰκέται». Дело в том, что слово «ойкеты» появляется в источниках в связи с рассказом о привлечении рабов к защите Аргоса от врагов, наряду со стариками и детьми (Paus. II. 25. 6).

Уделяя особое внимание терминологии источников, историки достаточно однозначно относятся к сути имевших место событий после битвы при Сепее. Все эти авторы исследуют собственно социальные изменения в Аргосе без особого доверия как к Геродоту, так и к Плутарху (Сократу Аргосскому), применяя, как и следовало ожидать, системный анализ, стремясь вычленив из данных источников достоверное ядро, первооснову античной традиции. По мнению Р. Сеймура, «фраза Геродота ἄρχοντες καὶ διέποντες, вероятно, преувеличивает то, что в действительности произошло, преувеличение же обусловлено или источником Геродота, или его собственным превратным пониманием»²⁰. Такого же мнения придерживается Р. Уиллетс, которого особо интересует традиция о браках периеков с аргивянками – как аналог хорошо известным случаям браков рабов со свободными женщинами²¹. Как отражение процесса принятия периеков в Аргос рассматривает данные Аристотеля и Плутарха Ф. Кихле²². Особую, близкую к Ф. Кихле позицию занимает Ф. Гшницер, полагая, что эти авторы запечатлели события, произошедшие в разное время: господство рабов и поглощение жителей близлежащих селений Аргосом в течение всего V столетия до н.э.²³

К настоящему времени преобладающей стала точка зрения, сближающая статус «периеков» и «рабов». Poleмика была столь острой, что, по замечанию Д. Лотце, если понимать аргосских периеков как «зависимых крестьян», то различия между изображением событий Геродотом и Сократом становятся так несущественны, что «можно спросить: какой же смысл должен был быть в полемике?»²⁴. Сам Лотце, принимая именно эту точку зрения на «рабов» и «периеков», основное внимание уделял разбору данных античной традиции об изменении политического строя Аргоса после битвы при Сепее²⁵. Для Д. Лотце, как и для М. Вёррле, на которого он ссылается, уже не являются столь важными терминологические различия

бы восполнить численность граждан в государстве, и обладали ими до тех пор, пока аргосские мальчики не достигли зрелости и не свергли их (*Hammond N.G.L. A History of Greece. Oxf., 1959. P. 196*). Р. Томлинсон, в отличие от Хэммонда, считает, что «периеки» – это жители близлежащих городов и несвободные крестьяне самого Аргоса (*Tomlinson. Argos... P. 98*). Как *serfs* характеризует периеков У. Ньюмен (*The Politics of Aristotle. P. 303 ad. 1303 a 6–8*). И.Г.М. Хендрикс выделяет две группы историков: «unitariers» – сторонников точки зрения на термины «рабы» и «периеки», как обозначающие одну социальную группу; «separatisten» – тех, кто видит в «рабах» и «периеках» отдельные социальные категории аргосского неполноправного населения (cf. *Hendriks I.H.M. De inter-politieke en internationale betrekkingen van Argos in de vijfde eeuw v. Chr. Diss. Groningen, 1982. S. 61 ff.*).

¹⁹ См. прим. 35.

²⁰ *Seymour P.A. The «Servile – Interregnum» at Argos // JHS. 1922. 42. P. 26.*

²¹ *Willets. The Servile Interregnum... P. 496, 498 f.*

²² *Kiechle. Argos und Tiryns... S. 185 f.*

²³ *Gschnitzer F. Abhängige Orte im Griechischen Altertum. München, 1958. S. 77.*

²⁴ *Lotze D. Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων: Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr. B., 1959. S. 54.*

²⁵ *Idem. Zur Verfassung von Argos nach der Schlacht bei Sepeia (Aristoteles, Politik, 5. 1303 a 6–8) // Chiron. 1971. 1. S. 95–109.*

древних авторов. Исследование Д. Лотце ставило своей целью интерпретировать данные Аристотеля об имевших место конституционных преобразованиях. Ключ к решению проблемы М. Вёррле и Д. Лотце видят в понимании фразы τῶν ἀπόρων πλῆθος, служащей, по их мнению, для обозначения «массы неимущих» в полисе и в этом смысле противостоящей словам: εὖποροι – «богатые» и γνῶριμοί – «знатные». Эти авторы считают, что Геродот, говоря о рабах как ἄρχοντες καὶ διέποντες, мог понимать под этим преобладание в государстве τῶν ἀπόρων πλῆθος, ставшее результатом огромных потерь полноправных граждан²⁶.

Однако даже при таком подходе сведения Геродота воспринимаются как явное преувеличение. Это видно уже из того, как Д. Лотце показывает механизм преобразований в Аргосе: «Можно представить, что консервативные землевладельцы охотнее таких людей (die konservativen Grundherren lieber solche Leute) приняли для пополнения своих рядов в круг полноправных граждан в качестве собственно *demos*, ибо наделялись предотвратить глубокие изменения общественной и политической структуры»²⁷. В подтверждение своей основной мысли Д. Лотце доказывает, что аристотелевское выражение μεταβολαὶ τῆς πολιτείας может означать не только переход от одного государственного устройства к другому, но и ослабление той или иной политической системы²⁸. Солидаризируясь с Кихле, он, таким образом, делает вывод о сохранении в Аргосе предшествующих битве при Сепее дорийских порядков, в значительной степени ослабленных принятием некоторых периеков.

По нашему представлению, слово «рабы» у Геродота появляется под непосредственным влиянием института илотии в Спарте, всегда понимавшейся как форма рабской зависимости²⁹. Собственно же аргосское значение этого социального термина точно не известно, но, судя по аналогии с кониортоподами Эпидавра в Арголиде, которых Плутарх определил не как «рабов», но как политически неравноправных землепашцев и ремесленников (Plut. Mor. 291) и сикионскими корюнефорами (называемыми только в сравнении со спартанскими илотами термином «рабы» – Pollux. III. 83), можно говорить о специфическом его применении в Аргосе. Учитывая это, термин «рабы» у Геродота мог быть заменен термином «периеки» в передаче аргосской традиции, как более близким аргосской реальности. Но он вряд ли точнее, чем термин «рабы». Единственно точным мог быть термин «гимнеты», но он не встречается в источниках в связи с описанием битвы при Сепее³⁰.

²⁶ Wörrle. Op. cit. S. 112; Lotze. Zur Verfassung von Argos... S. 96.

²⁷ Lotze. Zur Verfassung von Argos... S. 107.

²⁸ Ibid. S. 98 ff.

²⁹ В основе изложения Геродотом хода битвы при Сепее лежал спартанский источник, что и определило интерес «отца истории» к порочащим аргосцев подробностям и, возможно, способствовало употреблению термина «рабы» в значении, принятом в Спарте (cf. Macan. Herodotus. Vol. 2. P. 338 f.). Спартанские илоты назывались δημόσιοι δοῦλοι, δοῦλοι τοῦ κοινοῦ, т.е. «общественные рабы», «рабы общины» (см. Андреев Ю.В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 203. Прим. 35).

³⁰ Lotze. Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων... S. 54. Собственно говоря, Э. Робинсон после рассмотрения различных версий о событиях после битвы при Сепее недвусмысленно заявляет, что эти гимнеты могли получить гражданские права наряду с другими политически неполноправными категориями населения Aproca (Robinson E.W. The First Democracies. Early Popular Government Outside Athens // Historia. Einzelschriften. 107. Stuttgart, 1997. P. 87–88).

Однако представляется крайне маловероятным буквальное понимание отрывка Геродота о том, что гибель многих знатных привела к падению дорийских порядков в полисе, способствовала установлению контроля над государственными делами (τὰ πρῆμματα) со стороны представителей политически неполноправного населения, селившегося в хоре полиса и не принадлежавшего к дорийскому сословию³¹. Ведь, по мнению Аристотеля, Аргос был типичным примером непропорционального увеличения «массы неимущих». Более того, пример с Аргосом Аристотель помещает рядом с другими, в отношении которых сообщается об установлении демократии после случившихся перемен.

В начале фрагмента Аристотель, говоря об увеличении τῶν ἀπόρων πλῆθος, употребляет глагол αὐξάνομαι, который, как продемонстрировал А.И. Доватур, помимо значения «увеличиваться» может иметь значение «возвеличиваться», «приобретать вес»³². Таким образом, Аристотель, используя аргосский источник, предполагает те же самые социальные процессы в Аргосе, что и Геродот, однако он говорит о возвеличении неполноправных слоев населения полиса. Согласно пониманию Аристотелем государственного переворота, «масса неимущих» могла возвеличиться путем прихода к власти – установления демократического строя. Однако конкретно в случае с Аргосом стагирит говорит о принятии в ряды граждан лишь некоторых из периеков (τῶν περιοίκων τινάς)³³.

Для пояснения этого вопроса обратимся к аргосской исторической традиции, наиболее полно представленной у Сократа Аргосского в переложении Плутарха, хотя и недостаточно точном. Плутарх не ставит своей целью дать характеристику сложившейся ситуации в Аргосе после битвы при Сепее. Цель Плутарха гораздо уже. Его интересуют только те подробности, которые имеют хоть какое-то отношение к его собственной теме – подвигу аргосских женщин. Этим определяется и его подход при отборе материала. Поэтому трудно ожидать от Плутарха дословного воспроизведения целиком того места труда Сократа, где идет речь о последствиях сражения. Следует указать на неточность некоторых замечаний историков, например: «Против изображения событий Геродотом выступил местный историк эллинистического времени Сократ»³⁴ или же: «Сократ Аргосский оспаривает правильность суждения Геродота о власти рабов»³⁵. Уже на необоснованность подобных выводов указывает то, что Плутарх вообще не говорит о власти рабов, а только о браках с аргосскими женщинами, которые, по выражению Плутарха, вышли замуж «не за рабов, как повествует Геродот (ὡς Ἡρόδοτος ἱστορεῖ), а за лучших периеков, сделанных гражданами». Но нетрудно заметить, что упрек Плутарха Геродоту неправомерен. Геродот-то как раз и не упоминает о браках рабов с аргивянками, а говорит только об их управлении Аргосом. Сразу бросается в глаза: сообщения

³¹ Именно так, очевидно, понимает ситуацию И. Хендрикс, по мнению которого, рабы изгнали из Аргоса остатки дорийской аристократии (*Hendriks. De interpolitieke en internationale betrekkingen...* S. 278).

³² Доватур А.И. Аристотель о социальных причинах изменения Афинского государственного строя в 60–30-х годах V в. до н.э. // Древний Восток и Античный мир. М., 1980. С. 152.

³³ Противоречивость самого фрагмента Аристотеля не дает основания согласиться с мнением Д. Лотце о том, что принятие «некоторых периеков» исключает наличие перехода к демократии (*Zur Verfassung von Argos...* S. 100).

³⁴ Kiechle. Argos und Tiryns... S. 181.

³⁵ Колобова К.М. Термин οἰκέτης у Фукидида // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сб. памяти акад. А.И. Тюменева. М.–Л., 1963. С. 192–195.

Геродота и Плутарха разноплановые. Могло ли такое грубое переименование мысли Геродота принадлежать самому Сократу Аргосскому? Едва ли. По мнению Ф. Якоби, Сократ Аргосский являлся основательным ученым, вышедшим из школы Филохора³⁶. Также маловероятно, что Сократ, имея в своем распоряжении богатую аргосскую традицию, стал бы строить свое повествование на том малом, что можно найти у Геродота по истории Аргоса, или даже комбинируя Геродота и Аристотеля, как то считает К.М. Колобова³⁷.

Поэтому нам представляется более вероятным, что фраза, с помощью которой оспаривается Геродот, принадлежит перу самого Плутарха. Это тем более возможно, учитывая неприязненное отношение Плутарха к Геродоту как историку³⁸. Плутарх и в этом не упустил случая покритиковать столь нелюбимого им Геродота, привлекая для этой цели выдержки из труда Сократа Аргосского, менее всего заботясь об аутентичности сообщаемых сведений относительно действительно имевших место событий. Таким образом, мнение о том, что Сократ Аргосский противопоставлял свое видение ситуации в Аргосе видению их Геродотом, просто несостоятельно. Факты, которые наличествуют у Плутарха, скорее всего вырваны из контекста труда Сократа и этим объясняется несовпадение сообщаемых им данных с тем, что известно из Геродота.

Попытаемся реконструировать суть сообщения Сократа, на наш взгляд, дополняющего Геродота. Не известно, упоминал ли он о событиях, связанных с приходом к власти в Аргосе прежде неполноправного населения. Но создается впечатление, что в отличие от Геродота, которого интересовала эта сторона политического переворота в Аргосе, Сократ уделил большее внимание рассмотрению состояния традиционной правящей элиты после поражения при Сепее. С этим связан и его рассказ об аргосских женщинах этого слоя, взявших себе в мужья, взамен погибших, «лучших» периеков, т.е. по-видимому, представителей наиболее знатных недорийских родов Аргоса. Возможно, наделив гражданскими правами некоторых периеков (τινές, ἀρίστοι) и позволив им вступить в брак с аргосскими женщинами, остававшиеся в городе дорийцы тем самым допустили «лучших» периеков в свои ряды, обеспечив себе с их стороны социальную поддержку, отделив от основной массы недорийских крестьян и ремесленников.

Этот факт не противоречит Геродоту, особо отметившему стремление сыновей погибших при Сепее (οἱ τῶν ἀπολομένων παῖδες) возвратить себе Аргос. С этой целью, вероятно, продолжали сохраняться аргосские гетерии знати, в которых особая роль отводилась сыновьям павших дорийцев. В этом дорийском кругу были свои нормы и установления. Именно так следует понимать принятие закона (ἔθεντο νόμον) в отношении браков аргивянок и бывших периеков, достаточно уничижительного и подчеркивающего если не политическое, то социальное неравноправие последних. По словам Сократа, эти периеки были презираемы за свое происхождение (ἐδόκουν δὲ καὶ τοὺτους ἀτιμάζειν)³⁹. Естественно, речь идет не о законе

³⁶ FGrHist. III B. Komm. zu 310.

³⁷ Колобова. Ук. соч. С. 192–195.

³⁸ См. известное произведение Плутарха «О злокозненности Геродота» (De malignitate Herodoti), которое целиком посвящено критике, подчас пристрастной, повествования Геродота. О рассмотрении данного сюжета в трактате Плутарха De mulierum virtutes см. Stadter R.A. An Analysis on Milierum Virtutes // Plutarchs Historical Method. Cambr., 1965. P. 17, 45–47.

³⁹ Как правило, ученые связывают закрепленный в законе обычай, по которому при вхождении на брачное ложе женщины должны были подвязывать себе искусственную

государственного масштаба, а об установлении, принятого дорийцами для своего круга. В сообщении же Сократа при этом особенно подчеркнута связь между предоставлением гражданских прав и браками с аргосскими женщинами, чему можно найти аналоги в античной истории⁴⁰. Подобный взгляд на событие мог воспринять и Аристотель⁴¹.

Итак, как мы полагаем, после битвы при Сепее в Аргосе имели место важные социально-политические процессы, отражавшие изменение соотношения сил в полисе в пользу прежде политически неполноправного населения. Попытка сохранить свои позиции неизменными, даже в обстановке крушения дорийских порядков, вынудила уцелевших представителей аргосской аристократии маневрировать, ища социальную опору в лице наиболее известных недорийских родов Аргоса. Власть новообразованного демоса, по-видимому, была должным образом организована, о чем можно судить по тому, что целое поколение дорийцев было лишено возможности по-прежнему управлять Аргосом. И только тогда, когда слой дорийской знати значительно укрепился, причиной чему было, по мнению Геродота, возмужание сыновей погибших, эта власть была ликвидирована силой⁴². Очевидно, это случилось непосредственно перед началом Греко-персидских войн⁴³.

бороду, также с ритуальным аргосским праздником Гибристика, напоминавшего собой свадебные обряды с переодеванием в одежду противоположного пола. Этнографические параллели см. *Halliday W.R.* A Note on Herodotus VI, 83 and the Hybristika // *BSA.* 1909–1910. Vol. 16. P. 212–219; *How, Wells.* A Commentary on Herodotus. Vol. 1. P. 94; *Willets.* The Servile Interregnum... P. 503. О празднике Гибристика в Аргосе см. *Plut. Mul. Virt.* 4 = *Mor.* 245 F; *Polyaen.* VIII. 33. Аргосское предание считает возникновение праздника, на котором женщины одевались в мужские хитоны, а мужчины – в женские пеплосы, следствием надменности женщин (ὕβρις), одолевших мужчин во время сражения, после чего они провозгласили, по сведениям Лукиана, бога Ареса своим богом (*Luc. Amor.* 30) и построили храм богу Эниалию (*Plut. Mul. virt.* 4). Однако, кроме того, этот обычай мог иметь социальные корни, отражавшие превосходство женщин над своими мужьями после свадьбы.

⁴⁰ Подробный разбор данных античной традиции см. *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 143 сл. Часто в связи со случаем в Аргосе упоминают спартанских эпевнактов, хотя предание о них и противоречивое (*Печатнова Л.Г.* История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001. С. 296).

⁴¹ Под фразой ἡναγκάσθησαν παραδέξασθαι τῶν περὶοίκων τινάς определенно понимается допуск некоторых периеков в круг дорийцев, а не увеличение «массы неимущих», что также было известно Аристотелю в отношении Аргоса.

⁴² Геродот говорит об изгнании «рабов» сыновьями погибших при Сепее, однако подробности этого, равно как и возвращения ими в Аргосе власти, неизвестны. Различные предположения по этому поводу см.: *Seymour P.A.* The «Servile-Interregnum»... P. 25; *Willets.* The Servile Interregnum... P. 499; *Kiechle.* Argos und Tiryns... S. 188f; *Forrest W.G.* Themistocles and Argos // *CQ.* 1960. 10. P. 225; *Lotze.* Zur Verfassung von Argos... S. 108. Полагают, что «рабы» покинули Аргос в результате компромиссных соглашений с дорийской знатью, взамен за уход получив в свою власть Тиринф (П. Сеймур, Р. Уиллетс), или же были устранены лидер и наиболее радикальные элементы (Д. Лотце).

⁴³ Этот срок определяется на основании сообщений Геродота об аргосской политике накануне и в период Греко-персидских войн. Так, в 487 г. до н.э. аргосцы оказали помощь Эгине, отправив на остров отряд добровольцев во главе с искусным борцом в пятиборье Эврибатом, знатным аргосцем, а несколько лет ранее наложили на Эгину и Сикион штраф в 1000 талантов (по 500 на каждый город), обвинив их в помощи Клеомену во время похода на Аргос (*Herod.* VI. 92). Эти факты указывают на восстановление уже к 490 г. до н.э. власти дорийской аристократии в Аргосе. В 480 г. руководство дорийской аристократии полисом уже вне сомнения, о чем говорит существование должности царя (*Herod.* VII. 148).

Между тем внутренние неурядицы, царившие в Аргосе, где отсутствовала политическая стабильность, а также экономический и политический упадок аргосского полиса, как следствие резкого сокращения численности населения, определили направление всего дальнейшего исторического развития Аргоса. Господство дорийцев было сильно подорвано, а в самом Аргосе начался необратимый процесс демократических преобразований, сформировавших облик демократического Аргоса V–IV веков до н.э. Как справедливо отметил Р. Мейкан, «рабский режим» (*servile regime*) мог иметь неизбежным результатом развитие демократии, остававшейся практически постоянной характерной чертой Аргоса, а победа Спарты в продолжительной борьбе над Аргосом была в перспективе фатальной для спартанцев, дорийцев, олигархических тенденций в Аргосе; сам же полис становится впоследствии центром демократической пропаганды и антиспартанских интриг в Пелопоннесе⁴⁴.

Основные сведения об усилении Аргоса, начавшемся, по-видимому, только после завершения Греко-персидских войн, дает Павсаний⁴⁵. Данные Павсания являются особенно ценными, поскольку делают акцент на укреплении аргосцами гражданского слоя – факте, не отмеченном ни у кого из древних авторов. Вслед за рассказом о синойкизме Мегалополя Павсаний отмечает (VIII. 27. 1): «Аргосцы же еще в более древние времена (ἐπιστάμενοι τὰ μὲν ἔτι παλαιότερα) чуть ли не каждый день подвергались опасности войны и опустошения со стороны лакедемонян, но когда они увеличили население Аргоса (ἐπειδὴ δὲ ἀνθρώπων πλῆθει τὰ Ἄργος ἐπὶ ἤξησαν), уничтожив (καταλύσαντες) Тиринф, Гисии, Орнеи, Мидеи и другие небольшие города (τὸ ἄλλο πόλισμα), которые были в Арголиде, то у аргосцев появилась возможность уже не бояться лакедемонян, а вместе с тем возникла у них и сила в отношении периеков (ἐς τοὺς περιόικους ἰσχὺν γενομένην αὐτοῖς)»⁴⁶. Во второй книге своего «Описания Эллады», посвященной Арголиде, дважды приводятся сведения аналогичного содержания, но это уже касается отдельных городов. Так, по утверждению Павсания (II. 25. 6), «Аргосцы выселили орнеатов; переселившись в Аргос, они стали аргосцами (Ἀργεῖοι Ὀρνέατας ἀνέστησαν ἀναστάσαντες δὲ σύνοικοι γεγονάσιν Ἀργείους). Чтобы усилить Аргос, туда были переселены тиринфяне» (Paus. II. 25. 8).

Несмотря на некоторые затруднения, возникающие при интерпретации Павсания, сама достоверность информации может не вызывать сомнения⁴⁷. С 479 г. до н.э.

⁴⁴ Macan R.W. Herodotus. Vol. 2. P. 340 (ad. VI. 83).

⁴⁵ Следует также обратить внимание на то, что политику упрочения своего влияния в Аргосской долине аргосцы начали проводить еще задолго до сражения при Сепее. Об этом свидетельствуют факты разрушения Асины (Paus. II. 36. 5; III. 7. 4; V. 14. 2) и изгнание жителей Навплии (Paus. IV. 24. 2; 35. 2) под предлогом их дружественных отношений со спартанцами.

⁴⁶ Другой перевод: «вырос авторитет у подчиненного им населения» – см. Павсаний. Описание Эллады / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1994. Т. 2. С. 263. Перевод М. Пьерара: «получили силу в отношении их соседей» (gagnèrent en force à l'égard de leurs voisins) (Piérart. L'attitude d'Argos... P. 329).

⁴⁷ Следует обратить внимание на отсутствие во фрагменте Павсания точного соблюдения последовательности событий. Анализ отрывка Павсания см. (Gschntzer F. Abhängige Orte... S. 68–82). По мнению Гшницера, фрагмент Павсания может повествовать о ряде аргосских акций, от захватов Тиринфа и Микен в 70–60-е годы V в. до н.э. и до разрушения

аргосцы приступили к упрочнению своего влияния в Аргосской долине, где такие города, как Тиринф и Микены, воспользовавшись поражением Аргоса при Сепее, начали проводить независимую политику, – вероятно, они также стали союзниками спартанцев⁴⁸. В результате многолетних и изнурительных войн аргосцам удалось одержать победу и, захватив, разрушить большинство городов долины, а за счет завоеванных территорий расширить свою земельную хору⁴⁹. Расширение владений Аргоса и реорганизация территориально-административной структуры полиса посредством включения в нее населения долины, жившего в деревнях и городах области, было неизбежно. Достоверно можно утверждать, что уже к началу IV в. до н.э. территория Аргоса непосредственно граничила с Коринфией, а многие граждане проживали в своих усадьбах и поселках в сельской местности, прилегавшей к городу (Xen. Hell. IV. 4. 6; Diod. XIV. 97. 5). Таким образом, к тому времени уже должны были быть ликвидированы независимые полисы Аргосской долины, расположенные в пространстве между Аргосом и Коринфом.

Приведем ряд примеров, свидетельствующих о том, что уже в середине V в. до н.э. жители некоторых поселений оказываются принятыми в Аргос и наделенными гражданскими правами. Особенно показателен пример с аргосским историком Акусилаем, сыном Кабы, жившим в период до Пелопоннесской войны и написавшим «Генеалогии» по медным таблицам, которые его отец нашел под фундаментом собственного дома. Этот Акусилай, по данным лексикона «Суда», известен как аргосец, но был родом из полиса Керкады (Ἀργεῖος ἀπὸ Κερκάδος πόλεως) (Suid. s.v. Ἀκουσίλαος; о датировке жизни см. Eugene Samias FHG. II. F. 1). В аргосских документах IV–III веков до н.э. Керкады безусловно признаются фратрией Аргоса⁵⁰. Полис Керкады, находившийся вблизи Авлиды (М. Пьерар исправляет выражение Αὐλίδος πλησίον на Ναυπλίας πλησίον, т.е. «вблизи Навплии»), мог принадлежать к числу тех поселений, жители которых стали аргосцами уже в 60–50-е годы V в. до н.э.

Выходим из среды тиринфской знати был также аргосец Фиэй, «многоизвестный» (πολύγνωτον γένος), который прославляется Пиндаром (Nem. X. 37 sq.; Schol. Pind. s.v.). Остается, правда, открытым вопрос о времени переселения предков Фиэя по материнской линии в Аргос из «города Проита, кормящего коней»

Орней в 416 г. до н.э. У. Форрест делает вывод о затруднениях в оценке степени достоверности сведений Павсания, однако сам видит в них намек на принятие в Аргос перекоков после битвы при Сепее (Forrest. Themistocles and Argos. P. 225). По мысли Форреста, следует говорить о частичном синойклизме (partial sinoecism). К сожалению, нам осталась недоступной работа М. Моджи, специально посвященная исследованию аргосского синойклизма (Moggi M. I sinecismo e le anessione territoriale di Argo nel V secolo a. C. // ANSP. 1974. №3/4. P. 1249–1263).

⁴⁸ Примечательно, что жители Микен и Тиринфа, еще не зависимых от аргосцев полисов, были дорийского происхождения и, таким образом, в этническом плане они должны были отличаться от тех, которым были предоставлены гражданские права в Аргосе после битвы при Сепее (поскольку микенцы и тиринфяне едва ли могли рассматриваться как «рабы»/периеки аргосцев). О Тиринфе как раннем дорийском полисе см. Koerner R. Tiryns als Beispiele einer frühen dorischen Polis // Klio. 1985. 67. 2. S. 454.

⁴⁹ Diod. XI. 65. 2–5; Strabo. VIII. 6. 10 p. 372; 6. 11. p. 373; 6. 19; помимо указанных фрагментов Павсания см. Paus. II. 16. 4; V. 23. 1; VII. 25. 6).

⁵⁰ В качестве должностного лица упоминается Πειθαγόρας Σφυρηίδας Κερκάς: последнее слово означает фратрию. См. Piérart M. Phratry et «komai» d'Argos // BCH. 1983. 107. № 1. P. 273.

(Προίτοιο τὸ ἰπλότροφον ἄστν), т.е. Тиринфа⁵¹. Как правильно заключил Ф. Кихле, Физь – тиринфянин и в Аргосе должен был ощущать себя равным среди аргосской знати, ибо слава (τιμή), которую когда-то снискал род Физя для Тиринфа, неоднократно одерживая победы на Немейских и Истмийских играх, должна была иметь вес также и в Аргосе⁵². Это еще раз доказывает тот факт, что существующие между городами Аргосской долины тесные политические, экономические и культурные связи (и даже на уровне родства) значительно облегчали переход тиринфян, микенцев, а также массы недорийских жителей деревень в статус аргосских граждан, способствовали их быстрому включению в социально-политическую структуру Аргоса.

Наименование аргосских фратрий, известных главным образом по декретам, представляющим собой проксении, показывает топографический характер деления аргосского населения (надписи IV–III вв. до н.э.). Как замечает М. Пьерар, в многочисленных случаях мы имеем взаимосвязь названий фратрий с местностями (localités): Μόκλαι, Δυμμάδαι, Ναυπλιάδαι, Κερκάδαι, Σφυρήϊδαι, Ἀραχνάδαι, Φολυγάδαι, Ἀρκοῖδαι⁵³. В большинстве своем фратрии именуются по незначительным поселениям, месторасположение которых неизвестно (Μόκλας, Δυμμάς, Κερκάς, Σφυρήϊς, Ἀραχνάς, Φολυγάς, Ἀρκοίς), в других случаях носят названия маленьких деревушек, одноименных с известными городами, разрушенными аргосцами и находившимися в их окрестностях⁵⁴.

Процесс переселения в Аргос был достаточно длителен и происходил на протяжении всего V века до н.э., сопровождался разрушением городов, способных оказывать сопротивление, и политической адаптацией новых граждан. В дальнейшем, очевидно, участие в общественной жизни Аргоса могло уже напрямую не зависеть от переселения. Жители ком (κομέται), находившихся на хоре аргосцев, получают возможность принимать участие в народном собрании, сами избирать магистратов и быть избранными, будучи приписанными к той или иной фратрии⁵⁵. Однако сама система аргосских фратрий и ком в окончательном виде складывается только после завершения аргосцами своих территориальных приобретений. Пополнением

⁵¹ Как полагают, мать Физя была тиринфянкой и могла переселиться в Аргос, самое раннее, около 500 г. до н.э. (Forrest. Themistocles and Argos. P. 228). Ф. Кихле аргументирует в пользу 480-х годов как времени переезда в Аргос родителей Физя (Argos und Tiryns... S. 194. Anm. 3).

⁵² Kiechle. Argos und Tiryns... S. 191.

⁵³ Piérart. Phratie et «komai»... P. 269; *idem*. Argos: un autre démocratie. P. 298–299.

⁵⁴ Так, например, в декретах встречается упоминание о должностном лице, происшедшем из местности близ Гисии (Λαχάρης Μιθώνος Μελαννπίδα Ὑσέα ἄνω): место Гисия здесь служит просто географическим ориентиром. Ср. Thuc. V. 83, где Гисия названы словом χωρίον. Все вновь создаваемые фратрии дополняли систему дорийских фратрий, названных по именам мифических героев. К примеру, по имени Ликофрона – фратрия Ликофронида (Tod. I. № 33). Аналогичный характер имела фратрия Ликотады, принадлежащая к дорийской филе Гиллеи: Λυκοτάδας ὑλλεύς Φοῖνιξ λυκω[τ]ά[δας] <...> (Piérart. Phratie et «komai»... P. 270; о реформе фратрий в середине V в. до н.э. как этапе демократизации Аргоса см. Hall J.M. How Argive Was the «Argive» Heraion? The Political and Cultural Geography of the Argive Plain, 900–400 B.C. // AJA. 1995. 99. № 4. P. 589).

⁵⁵ В некоторых случаях после имени магистрата, помимо указания на принадлежность к фратрии, называются комы, среди которых фигурируют Πρόσυμνα, Λύρκειον, Ἀσίνα, Μυκάνα, Κερκάς. См., например, ἔλεξε Θίων Ποιμωῖς Μενέδαμος Ἀσίνα, где внесший законопроект Фион приписан к фратрии Поймониде, будучи сам из комы Асина.

полноправного населения Аргоса может быть объяснено появление, по свидетельствам аргосских документов, четвертой филы Гирнафиев (Ῥρνάφιοι) в дополнение к трем существующим дорийским⁵⁶. Если в VI в. до н.э. отчетливо прослеживается троичное деление аргосского населения (шесть–девять демиургов), то к концу V в. до н.э. аргосцы уже выбирали себе пять стратегов, по-видимому, по одному от филы, и выставляли во время войны пять лохов (Thuc. V. 59. 72) (возможно, в тот период было пять фил, но это остается только предположением). Этот факт может свидетельствовать об увеличении числа фил по мере включения в ряды граждан массы новых поселенцев, начало чему было положено принятием «лучших» периеков в Аргос после битвы при Сепее в начале V в. до н.э.⁵⁷

Хронологически интеграцию поселений Аргосской долины в политическую структуру Аргоса можно представить следующим образом. Первый этап связан с захватом и разрушением аргосцами Тиринфа и Микен, что произошло около 468 г. до н.э.⁵⁸ Античная традиция надежно засвидетельствовала изгнание тиринфян после разрушения их родного города. По совету дельфийского оракула они удалились в восточную Арголиду. По одной версии, подтверждаемой также нумизматическими данными, тиринфяне поселились в гермионских Галлиях⁵⁹. По словам Страбона, тиринфяне ушли в Эпидавр (ἀπὸ τῆς ἑλθόντες εἰς Ἐπίδαυρον), а обитатели Мидей – в Галии (VIII. 6. II. p. 373). Изгнанные из Аргосской долины микенцы после опустошения и разрушения их города переселились в Клеоны, Македонию и Киренею (Paus. VII. 25. 6). Диодор, особо отметив судьбу микенцев, говорит об их порабощении аргосцами (ἀνδραποδισμός) (XI. 65. 5).

Второй этап соответствует 50–40-м годами V в. до н.э., но о нем ничего не известно. Можно предположить, что аргосцы тогда же разрушили Гисии. По сообщению Фукидида видно, что в 417 г. до н.э. такого полиса, как Гисии, уже не существовало, а осталось только название местности (χωρίων) (Thuc. V. 83).

⁵⁶ Самое раннее упоминание о филе Гирнафиев принадлежит периоду 460–450-х годов до н.э. Cf. IG. IV. 517.

⁵⁷ Полагают, что именно тогда и могла быть добавлена четвертая фила. См. Lotze. Zur Verfassung von Argos... S. 104. По мнению Лотце, первоначально филу Гирнафиев могли составить «периеки» или «рабы» или «гимнеты» (как уже говорилось, под этими терминами Лотце понимает одну социальную категорию неполноправного населения).

⁵⁸ Особенно дискуссионен вопрос о времени войн аргосцев с тиринфянами и микенцами. См. Forrest. Themistocles and Argos. P. 230 ff.; Kiechle. Argos und Tiryns... S. 197 f.; O'Neil. The exile of Themistocles and Democracy... P. 342. В начале V в. до н.э. Тиринф был захвачен «рабами» из Аргоса, а затем аргосцы в результате долгой войны, инсценированной самими «рабами», с трудом одолели их (Herod. VI. 83). Война с Микенами была вызвана политическими причинами, среди которых Диодор называет претензии микенцев на гегемонию в Аргосской долине, противоречия с аргосцами по поводу владения храмом Геры и распоряжения Немейскими играми (Diod. XI. 65. 2–3). Захваты Тиринфа и Микен следовали один за другим и относились к 468 г. до н.э. Списки олимпийских показателей показывают, что под этим годом победителем на Олимпийских играх был тиринфянин (P.Oxy. II. P. 89. Z. 42). На основании этого можно сделать вывод о том, что Тиринф в этот год существовал еще как полис. Осада и взятие Микен, приуроченные аргосцами таким образом, чтобы спартанцы, страдая от восстания илотов и землетрясения, оказались неспособными оказать микенцам помощь, также относятся к 468 г. до н.э.

⁵⁹ Herod. VII. 137. 2; Ephor. FGrHist. 70 F 56; St.Byz. s.v. Τίρυνς; Eust. ad. Iliad. B. 559. В области Галий находят монеты с легендой ΤΙΡΥΝΘΙΩΝ, относящихся к IV–III вв. до н.э. Эти монеты свидетельствуют, что даже в более позднее время после переселения, выходцы из Тиринфа не утратили свой этникон. См. Kiechle F. Argos und Tiryns... S. 198 f.

Третий этап связан с разрушением Орней и присоединением Клеон. Вплоть до конца V в. до н.э. орнейцы и клеонцы были верными союзниками аргосцев и добровольно подчинялись их власти, но в 416 г. до н.э. Орнеи, где нашли пристанище аргосские олигархи, были разрушены до основания (Thuc. VI. 7. 2). Последними, уже в IV в. до н.э., были приняты в число аргосских граждан клеонцы, по всей видимости, вполне добровольно⁶⁰.

Однако в большинстве случаев данные источников говорят о судьбе только тех, кто оказал сопротивление аргосцам. Объективно можно выделить четыре аспекта аргосской политики по отношению к жителям долины, учитывающих неоднозначность существовавших взаимоотношений с ними, с которыми аргосцы были связаны множеством экономических, политических, религиозных, культурных, родственных связей: порабощение оказавших сопротивление; изгнание из Аргосской долины (часто это выглядело как добровольный уход ввиду безвыходности положения); переселение в Аргос городских жителей (города которых разрушались); оставление на местах сельских жителей, принятых в число аргосских граждан. Нуждам единения всех жителей долины в рамках Аргосского полиса соответствовала проводимая аргосцами религиозная политика – унификация культов и обрядов. Одновременно с этим аргосский Герейон становится общегосударственным святилищем. Как известно, после взятия Тиринфа в Герейон посвятили изваяние тиринфской Геры (Paus. II. 17. 5; cf. Demetrios FGrHist. 304. F.1)⁶¹. Символический акт «переезда» тиринфской Геры в Аргос должен был подчеркнуть в глазах жившего в окрестностях Тиринфа населения правомочность перехода под покровительство Аргоса. Как верно отметил М. Нильсон, «области, размежеванные относительно друг друга, должны были слиться в одну, все жители (the human and divine inhabitants) – объединиться в пределах одного государства»⁶². В такой ситуации, как уже отмечалось, предоставление гражданских прав было неизбежным и приводило, с одной стороны, к укреплению экономической и политической системы полиса, а с другой – к преобладанию массы новых граждан над традиционной аргосской аристократией, которая, как мы можем предполагать, до конца V в. до н.э. занимала в некотором роде обособленное положение в Аргосе. Можно согласиться с мнением Франкотта, который сравнивает введение территориального деления Аргоса (филы – фратрии – комы) с реформами Клизфена в Афинах, ибо результат в обоих случаях один – снижение роли родовых отношений в общественной жизни полиса⁶³.

Несмотря на продолжительность по времени реорганизации Аргосского полиса на новых демократических принципах, основная часть реформ была, по-видимо-

⁶⁰ О союзных отношениях клеонцев с аргосцами см. Thuc. V. 67. 2; Strabo. VIII. 6. p. 377; Plut. Timol. 3; IG I² 931–932; Paus. I. 29. 7. М. Пьерар и Ж. Тальман предпочитают говорить об «l'intégration de Cleonai dans l'«empire» argien» применительно к концу IV в. до н.э., при этом отмечая, что Клеоны оставались автономны по крайней мере до II в. до н.э. Городок Немей на севере Арголиды составлял часть территории Клеон. См. Piérart M., Thalmann J.-P. Nouvelles inscriptions argiennes // Études argiennes. P., 1982. P. 264; ср. Piérart. L'attitude d'Argos... P. 337. Однако и Немей и Клеоны находились под верховным протекторатом аргосцев уже в V в. до н.э., о чем говорит допуск аргосских судей к распоряжению на Немейских состязаниях в 460-е годы.

⁶¹ Прежде Герейон являлся совместным святилищем Аргоса и Микен (Strabo. VIII. 372). Самостоятельным культовым центром был храм Геры близ Тиринфа, находившийся в грушевой роще (Euseb. Praep. ev. III. 8. 1).

⁶² Nilsson M.P. Cults, Myths, Oracles and Politics in ancient Greece. Lund, 1951. P. 18.

⁶³ Francott H.L. L'organisation de la cité d'Argos // MB. 1909. Vol. 13. P. 321–224.

му, завершена уже к концу 60-х годов V в. до н.э.⁶⁴ Именно в это время начинается новое сближение Аргоса с Афинами, в которых в это время Эфиальт и Перикл начинают проводить демократические реформы.

Аргосско-афинские отношения имели давнюю традицию и претерпевали эволюцию по мере развития обоих полисов (дружба Аргоса с Писистратидами, тесные связи с Фемистоклом, наконец, налаживание контактов с приверженцами демократических реформ в Афинах – Эфиальтом и Периклом). Определенным итогом, достигнутым во взаимоотношениях двух полисов, было заключение афино-аргосского союза в пику Спарте накануне первой Пелопоннесской войны в 461 г. до н.э.⁶⁵ К этому союзу позднее присоединились фессалийцы (Thuc. I. 102. 4), но ввиду скорой измены последних афино-аргосские договоренности были особенно ценны для сторон⁶⁶.

В последующих боевых действиях против спартанцев и их союзников по Пелопоннесской лиге аргосцы принимали ограниченное участие, сражаясь на стороне афинян лишь в нескольких битвах. Но даже поражение в битве при Танагре в 457 г. до н.э., в которой участвовали совместно с афинянами, выступившими на войну «поголовно» (πανδηεῖ), тысяча аргосцев, было достаточно чувствительным для Аргоса⁶⁷. Гибель некоторого числа аргосских граждан могла явиться тем фактором, который окончательно определил линию Аргоса на неизменное сохранение нейтралитета и мира со всеми воюющими сторонами⁶⁸. Заключенный в 451 г. до н.э. 30-летний мир со Спартой неукоснительно соблюдался и в первое десятилетие Пелопоннесской войны (Thuc. II. 9. 2; V. 14. 4; 41. 2). После распада афино-аргосского союза, вызванного поражением союзников в войне, установились мирные отношения Аргоса с Афинами – по согласованию со Спартой. Таким образом, пробные шаги, направленные на возобновление активной внешней политики, были обречены на неудачу, но они явились свидетельством усиления Аргоса как в политическом, так, вероятно, и в экономическом плане.

Наиболее очевидно дали о себе знать итоги преобразований уже через несколько десятилетий мирного развития Аргоса. По словам Фукидида, к концу 20-х годов V в. до н.э. «...положение Аргоса было во всех отношениях превосходным: он не участвовал в аттической войне (т.е. Архидамовой 431–421 гг. – Э.Р., Е.В.) и, сохраняя мирные отношения с обеими воюющими сторонами, сумел извлечь для себя выгоды»

⁶⁴ Некоторые исследователи полагают, что решающую роль в демократизации Аргоса сыграло пребывание в этом городе изгнанного остракизмом Фемистокла (Thuc. I. 135. 3; Plut. Them. 23), однако утверждать это с достоверностью нельзя (Forrest. Themistocles and Argos. P. 230 ff.; Gula M.V. La batalla de Sepea y las Hybristika: culto, mito y ciudadanía en la sociedad argiva // Gerión. 2005. 23. № 1. P. 104).

⁶⁵ Подробный анализ точек зрения историков на причины заключения союза см. Строгеецкий В.М. Особенности внешней политики Афин и Спарты в начальный период первой Пелопоннесской войны (460–455 гг.) // ВДИ. 1987. № 2. С. 37 сл.; он же. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478–431 гг. до н.э.) СПб., 2008. С. 276; там же приводится и соответствующая литература.

⁶⁶ О прославлении дружбы Аргоса и Афин см. трагедию Эсхила «Эвмениды», которая была поставлена на афинской сцене в 458 г. до н.э. (Aesch. Eum. II. 289, 291, 766 sq.).

⁶⁷ Thuc. I. 107. 5. Посвятительную надпись по случаю победы спартанцев и их союзников при Танагре см. Tod. I. № 36.

⁶⁸ Сохранился список павших аргосцев в битве при Танагре в 457 г. до н.э.: Tod. I. № 35. Подробно о внешней политике Аргоса в этот период см. Kelly T. Argive Foreign Policy in the Fifth century B.C. // CPh. 1974. 69. № 2. P. 81–99.

(Thuc. V. 28. 2). Под этими «выгодами» определенно понимаются не только достижения во внешнеполитической сфере – сохранение нейтралитета, позволившее аргосцам весьма удачно выбрать момент для «вхождения» в международную политику с претензиями на гегемонию в Пелопоннесе. К тому времени аргосцы уже в большей мере, чем ранее, окрепли экономически, реорганизовали политическую систему полиса.

Диодор, описывая состояние Аргоса того периода, обобщает итоги предшествующего развития: «За многие годы мира <Аргос> получал большие доходы и имел массу не только средств, но и людей» (πρὸς δὲ τούτοις πολλὸν χρόνον εἰρήνην ἔχουσα προσόδου ἐλάμβανε καὶ πλῆθος οὐ μόνον χρημάτων εἶχεν, ἀλλὰ καὶ ἀνδρῶν) (Diod. XII. 75. 6). За время 30-летнего мира аргосцы поддерживали самые разнообразные экономические и политические связи со многими греческими полисами. Надпись 450-х годов свидетельствует о тесных контактах Аргоса с Критом (его городами Кноссом и Тилиссом), причем политические и экономические интересы аргосцев на Крите и критян в Аргосе были защищены гарантиями с обеих сторон⁶⁹. На период мира со Спартой приходятся, по-видимому, и основные мероприятия по укреплению аргосского демократического строя. Если декрет Аргоса в отношении Кносса и Тилисса датирован временем правления царя Меланта⁷⁰, а руководство Советом принадлежало представителям аргосской знати, то в дальнейшем имя царя навсегда исчезает из аргосских официальных документов. Тогда же впервые появляются сведения о народном собрании в Аргосе, обозначаемом термином «галиэя» (ἀλιαία). Первоначально он упоминается в аргосском декрете, относящемся к 50-м годам V в. до н.э., в сочетании ἀλιαία ἐδόξε τῇ τῶν ἰαρόν, что говорит о существовании галиэи, занимавшейся религиозными делами⁷¹. Усиление влияния галиэи, которая постепенно смогла стать противовесом росту политической роли знати, отражает ход демократических преобразований⁷². Народное собрание, созываемое за городом в местечке, называемом Проном, близ аргосского акрополя Ларисы, вершило суд и принимало решения значительной государственной важности⁷³. Отражением демократических тенденций в Аргосе стало принятие закона

⁶⁹ Одна из фраз декрета заканчивается так: «если прибудет некий тилисец в Аргос, то ему предоставят то же, что и кносцам» (αἱ τις ἀφικνοῖτο Τυλισίον ἐνς Ἄργος, κατὰ τοῦτ'α σφιν ἔστο χαίτερ Κνωσίοις). Помимо этого соглашение касалось политических и религиозных вопросов. Предусматривался механизм взаимных соглашений с утверждением на народных собраниях каждой стороной (аргосцами – собрать 1/3 голосов) (συνδοκοῖ τοῖ πλέθε[ι, συβ]άλλεσθαι δὲ τὰν τρίτ[αν αἴσαν τὸς Ἀργεῖος τὰν ψά]φον). В качестве *terminus technicus* в соглашении используется слово *συνδοκοῖ* (т.е. речь идет о договоре, а не о союзе); ср. *Tomlinson. Argos...* P. 134. Текст декрета см. *Tod. I. № 33*.

⁷⁰ *ha stála* ἔσστα ἐπὶ Μελάντα βασιλέος.

⁷¹ *Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece*. N.Y., 1971. P. 156. По мнению А. Грейхема, декрет был принят народным собранием по религиозным делам.

⁷² Обычная формула, стоящая в декрете, принятом народным собранием, появляется позднее и имеет следующий вид: ἀλιαία ἐδόξε τελεῖαι (см. *Schulthess. Halia // RE. 1912. Sp. 2238*). Подробнее о демократических институтах власти Аргоса см. *Piérart M. Argolis // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / Ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. Oxf., 2004. P. 604; Kritzas Ch. Aspects de la vie politique et économique d'Argos... P. 235–236*.

⁷³ *Deinias FHG. III p. 24 F. 3; Schol Eurip. Orest. 871*. Согласно аргосскому историку Дейнию (его фрагменты также см. в *FGrHist. 306*), гробницы Мелакхарида и Клеометры лежали выше так называемого Прона: насыпи, где сходятся судить аргосцы (συμβαίει

об изгнании посредством ostracism, ставшего важным орудием в руках демоса в борьбе с любыми притязаниями на верховную власть, но первоначально носившего антиаристократическую направленность (Arist. Pol. V. 2. 5 p. 1303 b; Schol. Aristoph. Equ. 851)⁷⁴. Проведение народных собраний в Проне явилось неизбежным результатом расширения гражданского слоя. Прежняя дорийская знать вполне могла бы по-прежнему проводить свои заседания в Булевтерионе в пределах самого города, но теперь центр политической активности граждан переместился за крепостные стены, что, во-первых, было рациональным с точки зрения размещения огромной массы народа (ибо улицы Аргоса были узкими, а сам город изобилует каналами) и, во-вторых, принимая во внимание участие в народном собрании прибывших из окрестностей Аргоса сельских жителей. Характерно, что близ устья Харадра аргосцы проводили и военные трибуналы после возвращения войска из похода (Thuc. V. 60. 6).

Об обособленном положении в полисе традиционной аристократии, по крайней мере до конца V в. до н.э., можно судить по одному указанию Диодора Сицилийского (XII. 75. 7) о создании аргосцами «элитного отряда» (λογάδες) из представителей сыновей местной знати: «Они выбрали из граждан тысячу юношей весьма сильных телом и состоянием, освободив их от других обязанностей (ἀπολύσαντες δὲ αὐτοὺς καὶ τῆς ἄλλης λειτουργίας), при народном содержании, они поручили им постоянно упражняться. Вследствие народного попечения (διὰ τὴν χορηγίαν) и упорных занятий, они сделались искусными в воинских делах». В конечном итоге они стали основными участниками олигархического переворота в Аргосе в 418 г. до н.э.⁷⁵; после возрождения демократии аргосцы, по всей видимости, ликвидировали это «особое» положение аристократических семейств, организовав политические преследования сторонников олигархии (Thuc. V. 84. 1–3; 116. 1; Diod. XIII. 5. 2). Сочетание в политической жизни Аргоса олигархических и демократических принципов, очевидно, нашло свое отражение в деятельности в 419 г. до н.э. Совета (βουλή) и «восьмидесяти» (ὀγδοήκοντα) – последний мог вполне находиться в тот период в ведении аристократии⁷⁶.

Таким образом, как показывает рассмотренный материал, в Аргосе на протяжении большей части V века до н.э. происходило становление демократии, которое в основных чертах завершилось к 418 г. до н.э., когда этот политический строй уже определенно зафиксировал Фукидид (V. 28. 1; 29. 1; 47. 9; 81. 2: δημοκρατούμενη; ἡ Ἀργείων δημοκρατία; ἐν Ἀργεὶ δῆμον). Между тем начало этому процессу положила битва при Сепее, приведшая к истреблению значительной части гражданского слоя полиса; впоследствии демократические реформы в Аргосе могли быть

τοὺς Ἀργεῖους δικάζειν). По схолиям к Еврипиду Пронем называлось местно, где аргосцы проводили народные собрания (τοὺς Ἀργεῖους ἐκκλησιάζειν). О локализации места Прона см. Meyer Ed. Pron und Haliaia in Argos // Philologus. 1889. 48. S. 185–187. Полагают, что собрания проводились на склоне большого акрополя Ларисы (μέγιστην ἄκρην).

⁷⁴ Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 443–444.

⁷⁵ Thuc. V. 81. 2; Diod. XII. 80. 2; Arist. Pol. V. 3. 5 P.1304 a; Plut. Alc. 15. 3; Paus. II. 20. 2; Aen. Tact. XVII. 2–4.

⁷⁶ Фукидид (V. 47. 9) сообщает, что со стороны аргосцев присягу на верность договору с афинянами, мантинейцами и элейцами приносили «Совет, Восемьдесят и артины». Коллегия восьмидесяти, кроме того, встречается в одной аргосской надписи эллинистического времени в выражении: ἐπιμεληθήμεν δὲ τούτων τὸν ταμίαν καὶ τὸν ὀγδοήκοντα καθὰ ἔδοξε τῷ δάμῳ τῶν Ἀργείων (ISE. I. 40). Cf. Polyb. II. 59. 9: ὀγδοήκοντα οἱ πρῶτοι τῶν πολιτῶν. По мнению Л. Моретти (ISE. I. 40), коллегия «восьмидесяти» имела функции, аналогичные обязанностям афинского Ареопага до реформы Эфиальта.

непосредственно связаны с распространением гражданских прав на прежде неполноправное население Аргосской долины за счет проведения политики синойкизма. В целом можно говорить о своеобразном аргосском пути генезиса демократии.

SYNOIKISMOS AND THE ORIGIN OF ARGIVE DEMOCRACY

E.V. Rung, E.A. Venidiktova

The article is devoted to the Argive synoikismos and genesis of the democratic regime. The start points for this processes were the elimination of Argive citizens in the battle of Sepeia and the granting of civil rights to some inhabitants of Argive plain in the Vth century BC. The authors consider the establishing of some Argive democratic institutions and attract the attention to the political struggle in the polis during the process of democratization of Argos.